

Макс Штирнер

**Единственный и его
собственность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
Ш91

Ш91 **Штирнер М.**
Единственный и его собственность / Макс Штирнер – М.: Книга по Требова-
нию, 2022. – 294 с.

ISBN 978-5-521-38626-0

ISBN 978-5-521-38626-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Жизнь Штирнера.

«Мы не имѣемъ свѣдѣній о Штирнерѣ, о его личности и жизни. Знаемъ только, что онъ былъ неудачникъ и умеръ въ неизвестности и нищетѣ». Такъ писалъ Н. К. Михайловскій въ 1894 году, излагая ученіе не то знаменитаго, не то забытаго нѣмецкаго философа и сопоставляя его ученіе съ воззрѣніями Ницше. Не простое любопытство и не условности литературныхъ формъ вызвали въ Н. К. Михайловскомъ желаніе знать конкретныя подробности жизни создателя «эгоистической» философіи, которою онъ такъ интересовался и съ которою первый познакомилъ русскихъ читателей ¹⁾. Жизнь и личность моралиста всегда представляетъ особый интересъ для освѣщенія его ученія, а тѣмъ болѣе жизнь теоретика эгоизма. Даже въ жадности толпы къ знакомству съ подробностями поведенія проповѣдника альтруистической нравственности есть нѣчто, кромѣ простого любопытства, ищущаго разоблаченій: люди хотятъ, чтобы мораль была не только теоретической, но и практической истинной, чтобы она была оправдана не только ихъ внутреннимъ чувствомъ, но и всею жизнью проповѣдника. Есть глубокій смыслъ въ извѣстномъ анекдотѣ о томъ, какъ создатель одной изъ многихъ новыхъ религій выставилъ на видъ ея преимущества предъ христіанствомъ, а остроумный государственный человѣкъ отвѣтилъ ему: «Ваша религія превосходна; вамъ остается только быть распятымъ за нее». Казалось бы, истина есть истина, и намъ нѣтъ дѣла до того, воплотилъ ли ее въ себѣ тотъ, кто ее вѣщаетъ. Но есть нѣчто отчуждающее въ нравственномъ ученіи, проповѣдникъ котораго, бѣя себя по персямъ, возглашаетъ: «Вотъ какъ надо жить свято. Мнѣ это не удалось».

Можетъ показаться, что съ проповѣдникомъ эгоизма этого не будетъ,

¹⁾ Собственно, упоминали о Максѣ Штирнерѣ и его книгѣ мы встрѣчаемъ въ русской литературѣ задолго до Н. К. Михайловскаго: Аппенковъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (III, 198—201) сохранилъ намъ отзывъ о ней Влѣянскаго; о ней же есть упоминаніе и въ статьѣ Хомякова: «По поводу Гумбольдта» (Сочиненія, т. I, изд. 1900 г., стр. 150—151). Беремъ эти указанія изъ брошюры г. Саводникова, «Ничтошонецъ 40-хъ годовъ» (Москва, 1902), который, какъ видно, не знакомъ со статьей Н. К. Михайловскаго о Штирнерѣ: иначе онъ, конечно, не обошелъ бы ее молчаніемъ. Для біографіи Штирнера есть одинъ источникъ—книга Д. Г. Макара, которая изложена въ настоящей статьѣ.

такъ какъ ему легче быть на высотѣ своей философіи. Это, конечно, грубая ошибка. Одно требованіе лежать въ основѣ всякой морали эгоизма, какъ бы она отъ этого ни отрекалась: требованіе быть самимъ собой. Для того, кому это требованіе не лезетъ въ глаза отъ обязанностей, а неустрашимый, необходимый законъ его жизни, оно серьезно, и исполненіе его равно тому, что называется самопожертвованіемъ. Да оно и включаетъ въ себя самопожертвованіе. И жизнь Штирнера—простая, незамѣтная, ровная, отвѣчала его требованіямъ. Не съ высоты его ученія, которое, вѣдь, подлежитъ разнымъ толкованіямъ, надо судить его жизнь; но съ точки зрѣнія прожитой имъ жизни взглянуть на его ученіе; она его можетъ и должна пояснить.

Биографъ Штирнера, вѣнецкій писатель Д. Р. Мамай, въ началѣ работы надъ исторіей его жизни, подходилъ къ ней съ своими требованіями, и ему казалось, что это требованія ученія Штирнера. Но, продолжая невѣроятно трудную работу собранія свѣдѣній о забытомъ человѣкѣ и получивъ впервые возможность бросить общій взглядъ на жизнь философа, онъ понималъ свою ошибку. «Не только глубокое отчаяніе, но великое разочарованіе охватывало меня по мѣрѣ того, какъ, подвигаясь все далѣе и далѣе впередъ, я яснѣе и яснѣе видѣлъ, какъ несложна, какъ чужда событіямъ была эта жизнь. Я ждалъ чего-нибудь необычайнаго, но не нашелъ ничего подобнаго. Неужто жизнь такого человѣка можетъ быть бѣдна внѣшними большими событіями? Этого я не могъ понять. Но лишь постепенно, по мѣрѣ того, какъ я съ каждымъ годомъ все глубже и глубже входилъ въ духъ творенія и исторію жизни его создателя, меня охватывалъ стыдъ: я понималъ мою ошибку, я понималъ, что эта жизнь могла быть только такою, какою она была, и не могла быть иною. И я ужъ не искалъ въ ней великихъ событій, но въ тихой работѣ старался только заполнить ея пробѣлы. Теперь, наконецъ, я знаю, что жизнь Штирнера совсѣмъ не была противоположностью его великому созданію: наоборотъ, она была яснымъ и простымъ выраженіемъ его послѣднихъ выводовъ, ихъ необходимымъ слѣдствіемъ, безъ всякаго, внѣшняго или внутренняго противорѣчія». Она была, конечно, не тѣмъ, что мы называемъ красивой, яркой, сильной жизнью. Но Штирнеръ никому не обѣщалъ прожить такую жизнь: жилъ, какъ жилось—и чувствовалъ на это право. Недаромъ вестали его сѣрая жизнь увѣнчана безсмертіемъ.

Иоганнъ Каспаръ Шмидтъ родился 25 октября 1806 года въ Байрейтѣ; родители его были протестанты. Отецъ, «мастеръ духовыхъ инструментовъ»—онъ дѣлалъ флейты—умеръ отъ чахотки черезъ полъ года послѣ рожденія сына. Мальчику было около трехъ лѣтъ, когда мать его вступила во второй бракъ и уѣхала съ мужемъ въ Кюльмъ, въ Пруссію; сынъ жилъ при ней до гимназіи. Быть можетъ, извѣстность, которою уже тогда пользовалась байрейтская гимназія, была причиной того, что Иоганнъ Каспаръ, для прохожде-

нія гимназическаго курса, переселился обратно въ свой родной городъ. Онъ жилъ здѣсь у своего крестнаго отца, въ честь котораго получилъ имя, чулочника Штихта, и учился хорошо; если прибавить къ этому то, что его директоръ былъ восторженный ученикъ Гегеля, «обрѣтшій въ его ученіи абсолютную свободу своего духа и ученія», и что онъ бралъ частные уроки французскаго языка и игры на фортепьяно, то этимъ всѣ мало-мальски существенныя данныя о первыхъ двадцати годахъ жизни Штирнера будутъ исчерпаны. Если въ жизни мыслителя насъ интересуетъ только то, что даетъ возможность заглянуть въ ходъ его духовнаго развитія, то можно сказать, что о дѣтствѣ и юности Штирнера мы не знаемъ ничего. Къ этому можно прибавить нѣкоторые общія данныя; онѣ не имѣютъ большого значенія, когда ихъ нельзя конкретизировать, когда между ними и даннымъ случаемъ нѣтъ мостика. Мы знаемъ, что Штирнеръ сынъ простыхъ горожанъ, что онъ представитель чистой верхне-франконской расы — «породы трезвой, сосредоточенной, разумной, нѣсколько мрачной». Его рожденіе совпадаетъ съ эпохой тяжелыхъ испытаній для его родного города, истерзаннаго сумятицей и тревогами, связанными съ наполеоновскимъ нашествіемъ. Начало его сознательной жизни совпадаетъ съ пребываніемъ въ Кульмѣ, тихомъ городкѣ на Вислѣ; затѣмъ классическая школа вваливается на юныя плечи тяжелую ношу гуманитарнаго образованія; кажется, она не была для него непосильной.

Но что представлялъ изъ себя мальчикъ? Каковы его первые склонности и запросы? Въ какомъ настроеніи прошла его юность: проникали его настроеніе сознаніе растущей силы и жажда дѣятельности или она уже была омрачена раздвоеніемъ? Нѣтъ отвѣта на эти вопросы въ тѣхъ скудныхъ датахъ, которыми мы обладаемъ, — и въ этомъ невѣдѣніи мы слѣдуемъ за юношей въ университетъ — въ городъ, гдѣ ему суждено было жить, дѣйствовать и умереть.

Онъ поступилъ на философскій факультетъ берлинскаго университета осенью 1826 года. Около того же времени другой молодой берлинскій студентъ, его будущій противникъ, Людвигъ Фейербахъ писалъ своему отцу: «Ни въ одномъ университетѣ нѣтъ такого всеобщаго прилежанія, такого стремленія къ чему-либо повыше, чѣмъ обыкновенные студенческіе интересы, такой жадности къ наукѣ, такого покоя и тишины, какъ здѣсь. Другіе университеты — поистинѣ кабачки въ сравненіи съ этимъ домомъ труда». Дошедшее до насъ студенческое свидѣтельство Штирнера показываетъ, что онъ сдѣлалъ надлежащій выборъ въ той плеядѣ блестящихъ именъ, которыми гордился берлинскій университетъ. Онъ слушалъ въ первомъ семестрѣ всеобщую географію у ея создателя, Карла Риттера, этику у Шлейермахера, философію религіи у Гегеля, громадное вліяніе котораго было пераздѣльно; въ дальнѣйшемъ къ его лекціямъ по исторіи философіи, психологіи и антропологіи присоединилась исторія церкви у Неандера, извѣ-

стнаго противника Штрауса, и другія богословскія дисциплины у Маргей-неке, ортодокса гегеліанской «правой». Послѣ перваго курса онъ уѣхалъ изъ Берлина, провелъ одинъ семестръ въ Эрлангенѣ, потомъ три съ половиною года былъ внѣ университета; въ краткой латинской автобіографіи, поданной имъ при прошеніи объ испытаніи, онъ говоритъ, что въ это время совершилъ большое путешествіе по Германіи. Въ 1829 году онъ поступилъ въ кенигсбергскій университетъ, но семейныя обстоятельства, — они остались для насъ неизвѣстными — опять прервали его университетскую жизнь. Та же автобіографія сообщаетъ, что онъ и въ это время «не оставилъ своихъ философскихъ и филологическихъ работъ». На филологію, особенно классическую, онъ обратилъ главное вниманіе и въ берлинскомъ университетѣ, студентомъ котораго онъ снова сдѣлался осенью 1832 года; теперь онъ слушалъ здѣсь курсъ о Проперціи у знаменитаго Лакмана, о республикѣ Платона у Бека, объ Аристотелѣ у гегеліанца Михелета; онъ собирался слушать еще Раумера и Тренделенбурга, но такъ какъ онъ рѣшилъ держать не докторскій экзаменъ при университетѣ, а государственное испытаніе на званіе учителя, то онъ покончилъ съ своей университетской жизнью.

Учительскій экзаменъ включалъ также письменныя работы, изъ коихъ одна, «О школьныхъ законахъ», достойна вниманія біографа. Здѣсь мы впервые встрѣчаемся съ самостоятельными взглядами мыслителя, въ которыхъ кой-что уже знаменательно для его будущаго міровоззрѣнія.

Исходя изъ общаго представленія о законѣ, молодой кандидатъ говоритъ: «Въ законѣ нѣтъ случайности, нѣтъ произвола: онъ основанъ на природѣ предмета, для котораго предназначенъ, и въ ней воплощенъ. Ибо все сущее — въ мірѣ явленій или мірѣ духа, — представляясь въ томъ или иномъ видѣ / простымъ, есть въ то же время нѣчто, полное содержанія и — благодаря эле-ментамъ, на которые оно распадается — также нѣчто многообразно сложное». Сведеніе этого многообразія къ единству есть законъ. Нѣтъ закона, дан-наго предмету извнѣ: законы тяжести суть раскрытіе содержанія понятія тяжести». И законы школы суть лишь раскрытіе содержанія понятія ученика. Анализъ этого понятія и составляетъ содержаніе работы: формулировать самые законы авторъ не берется. Понятіе ученика изслѣдуется строго индуктивно; за періодомъ дѣтства — стадіи обособленности, чистаго «бытія для себя» слѣдуетъ возникновеніе Я, самосознанія и отличенія отъ другихъ Я, общенія съ ними и развитія своего Я посредствомъ этого общенія и ученія; дитя становится ученикомъ: періодъ разсудка, когда учитель представляется ему образцомъ совершенства. Въ университетской жизни стадія разсудка смѣняется стадіей разума. «Вмѣсто учителя предъ Я пред-стаетъ сама наука въ ея чистомъ видѣ, и область ея — свобода». Мыслью о о самоцѣльной личности проникнута вся работа; искорками сверкаютъ въ ней тѣ мысли, которыя разрослись впоследствии въ яркое пламя новаго міровоззрѣнія.

Учительскій экзаменъ сошелъ не важно. Свѣдѣнія кандидата по исторіи, богословіи, географіи были хороши, пробные уроки — они свелісь къ лекціямъ—удались вполне, но въ математикѣ и исторіи философіи онъ оказался слабъ; древніе языки удовлетворили экзаменаторовъ посредственно. За Штирнеромъ признали условное право преподаванія. Онъ занимался полтора года бесплатно въ среднихъ классахъ реального училища, пытался получить казенное мѣсто, но ему отвѣтили отказомъ. Трудно сказать, чѣмъ онъ жилъ въ это время. Его отчимъ умеръ, мать уже нѣсколько лѣтъ страдала душевною болѣзью. Очевидно, однако, обстоятельства его позволили ему сдѣлать рѣшительный шагъ, достойный вниманія его біографа: въ концѣ 1837 года онъ женился на молодой дѣвушкѣ—и, кажется, былъ счастливъ; но не прошло и года, какъ его жена умерла отъ родовъ; ребенокъ скоро умеръ. Еще нѣсколько лѣтъ—почти вплоть до своего второго брака—Штирнеръ жилъ у родныхъ своей первой жены. Съ конца тридцатыхъ годовъ онъ имѣлъ постоянное занятіе: онъ былъ учителемъ нѣмецкаго языка и словесности въ частной женской гимназіи вплоть до 1844 года и былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ какъ съ начальниками этого учебнаго заведенія, дѣвицами Цепцъ, такъ и съ своими ученицами. Его неожиданная отставка поразила всѣхъ: съ ея причинами и обстоятельствами, ее сопровождавшими, мы познакомимся ниже.

Здѣсь мы расстаемся съ учителемъ Іоганомъ Каспаромъ Шмидтомъ, чтобы обратиться къ Максу Штирнеру. Мы немного узнали о его внутренней жизни за годы ученія и первыхъ попыткахъ самостоятельной жизни; ни одного живого голоса изъ этой эпохи не дошло до насъ; до сихъ поръ говорили не люди, а сухіе факты. Лишь въ началѣ сороковыхъ годовъ мы встрѣчаемъ Штирнера въ кругу людей, донесшихъ до насъ живыя воспоминанія о немъ и сообщающихъ теплоту и нѣкоторую опредѣленность его безгласной фигурѣ. И кружокъ этихъ людей заслуживаетъ вниманія не только потому, что они были въ теченіе ряда лѣтъ пріятелями Штирнера, не только потому, что въ этой обстановкѣ окрѣпла его завѣтная творческая мысль, но и самъ по себѣ.

Это не былъ обычный нѣмецкій ферейнъ съ уставомъ, предсѣдателемъ и правленіемъ, а просто компанія свободныхъ людей, сходявшаяся по вечерамъ въ одномъ трактирчикѣ и обсуждавшая на досугъ всевозможные вопросы, теоретическіе и политическіе. Взгляды ихъ были довольно разнообразны, общаго у нихъ было одно: недовольство общественнымъ строемъ и желаніе такъ или иначе попытать свои силы въ борьбѣ съ нимъ. Эта—очевидно, самая крайняя—лѣвая тогдашняго духовнаго движенія носила названіе «вольницы» (die Freien)—и подъ этой кличкой получила нѣкоторую извѣстность въ смутной исторіи до-мартовскаго времени въ Германіи. Съ внѣшней стороны составъ кружка трудно назвать разнообразнымъ; это была богемъ—по преимуществу литераторы, студенты, все люди молодые, лѣтъ отъ

двадцати до тридцати. Центромъ кружка, собиравшагося неизмѣнно въ трактиричкѣ Гиппеля, былъ Бруно Бауэръ, только что лишенный за вольнодумство званія приватъ-доцента въ боннскомъ университетѣ. Блестящая самозащита знаменитаго критика Библии и представителя гегеліанской лѣвой надѣлала много шума, но не возвратила ему покровительства министра Алтепштейна и права преподаванія. Онъ жилъ въ Берлинѣ и готовился къ дальнѣйшей борьбѣ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Эдгаромъ, также принадлежавшимъ къ кружку и выступившимъ въ литературѣ съ защитой брата. Раньше братья работали въ «Hallische Jahrbücher» Арнольда Руге, затѣмъ выступили въ своей «Literatur-Zeitung». Съ несравнимымъ пыломъ и блескомъ вела здѣсь борьба за «абсолютную эмансипацію» личности, не покидающей, однако, предѣловъ «чистой человѣчности». Врагомъ признавалась «масса»; въ этой неопредѣленной величинѣ совмѣщались для «критической критики» всѣ стремленія, враждебныя духу, всѣ «отдѣльныя формы тупости и зависимости». Въ понятіе «массы» входили для «критической критики» не только радикальные политическіе запросы либерализма начала сороковыхъ годовъ, но также недавно зародившееся социальное движеніе, въ коммунистическихъ требованіяхъ котораго она усматривала величайшую опасность для «самосознанія» и свободы личности. Отвѣтъ не заставилъ ждать: въ 1845 г. появился памфлетъ Маркса и Энгельса «Die heilige Familie oder Kritik der kritischen Kritik, gegen Bruno Bauer und Consorten». Ниже мы увидимъ, что эта полемика вышла изъ нѣдръ «вольницы», частными гостями которой были авторъ «Капитала» и его другъ.

Эдгаръ Бауэръ былъ менѣе извѣстенъ и менѣе даровитъ, чѣмъ его старшій братъ, но такъ же продуктивенъ и дѣятеленъ. Послѣ брошюры въ защиту брата онъ издалъ брошюру «Der Streit der Kritik mit der Kirche und dem Staate», за которую былъ присужденъ къ трехлѣтнему заключенію въ крѣпости. Впослѣдствіи его взгляды измѣнились еще болѣе круто, чѣмъ возрѣніемъ Бруно.

Третьимъ виднымъ членомъ кружка былъ Людвигъ Буль, плодовитый писатель, теперь забытый, но по силѣ мысли и послѣдовательности, быть можетъ, мало уступавшій старшему Бауэру. Дѣятельный и убѣжденный противникъ не какой-нибудь формы государства, но самаго существа государственнаго общежитія, онъ проводилъ свои взгляды въ своей «Berliner Monatsschrift» послѣ того, какъ былъ запрещенъ его «Patriot». Превосходный стилистъ, онъ извѣстенъ своими переводами, особенно переводомъ «Десятилѣтія» Луи Блана, гдѣ онъ вездѣ «слово Dieu замѣнялъ словомъ Vernunft». Когда онъ былъ на свободѣ—ему чаще приходилось сидѣть въ тюрьмѣ за свои произведенія—онъ являлся къ Гиппелю, гдѣ былъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ и самыхъ шумныхъ гостей.

Нѣтъ нужды называть прочихъ членовъ «ядра» кружка, — по преимуществу журналистовъ, равно какъ тѣхъ многочисленныхъ гостей, которые

бывали здѣсь не систематически. Среди нихъ есть имена извѣстные, оставшіяся въ исторіи нѣмецкой литературы и общественной жизни; но мы ихъ оставляемъ въ сторонѣ, потому что ихъ разрозненные воззрѣнія и далеко разошедшіяся судьбы не даютъ представленія объ общемъ настроеніи и взглядахъ кружка. Любопытнѣе три гости, которые остались недовольны кружкомъ и сохранили для насъ свои впечатлѣнія, быть можетъ, и преувеличенныя, но и въ этомъ видѣ характерныя.

О «вольницѣ» ходили всякіе разговоры, и къ Гиппелю приходили посмотрѣть на нее. Однимъ изъ такихъ любопытныхъ былъ Арнольдъ Руге, извѣстный редакторъ радикальныхъ «Hallische Jahrbücher», пожелавшій здѣсь познакомиться съ своими дѣятельными постоянными сотрудниками. Объ этомъ посѣщеніи сохранился рассказъ младшаго Руге, Людвига. Сначала было тихо, и Арнольдъ Руге обсуждалъ съ присутствующими проектъ «вольнаго университета»—при тогдашнихъ условіяхъ предпріятія немислимаго. Кой-кому эта тема показалась недостаточно интересной; завязался споръ. «Младшіе приняли обычный тонъ. Свобода настроенія дошла до разпузданности. Арнольдъ сядѣлъ мрачно, точно окаменѣвшій, но буря была неизбежна, видно было, какъ все въ немъ кипитъ. Вдругъ онъ вскочилъ и вскричалъ: «Хотите быть свободными, а сами не замѣчаете, что по уши завязли въ смрадной лужѣ! Свинствомъ не освобождаютъ людей и народовъ! Сперва сами очиститесь,—а потомъ толкуйте о великихъ задачахъ!»

Вспышка Руге могла вызвать только насмѣшки, хотя самъ онъ воображалъ, что его слова были смертнымъ приговоромъ кружку.

Другой гость, не дошедшій до скандала, но молча унесшій изъ кружка непріятное впечатлѣніе, былъ поэтъ Георгъ Гервегъ, посѣтившій въ 1842 г. при своей триумфальной поѣздкѣ по Германіи также Берлинъ и принятый здѣсь королемъ, хотя его «Gedichte eines Lebendigen» были только что запрещены прусской цензурой. Онъ былъ у Гиппеля и декламировалъ здѣсь съ обычнымъ пафосомъ свои стихотворенія; можно думать, что его неблагоприятное сужденіе о «вольницѣ»—онъ говоритъ о polissonnerie кружка—сложилось подъ вліяніемъ Руге.

Былъ однажды въ кружкѣ также другой представитель нѣмецкой политической поэзіи Гоффманъ-фонъ Фаллерслебенъ, тогда только что смѣщенный профессоръ бреславльскаго университета. Онъ рассказывалъ впоследствии, что грубость всей компаніи оттолкнула его, братья Бауэры были въ состояніи невѣроятности. Послѣдній упрекъ звучитъ довольно своеобразно въ устахъ автора «Неполитическихъ пѣсень».

Эти неблагоприятные отзывы должны быть отмѣчены потому, что въ нихъ можно видѣть зародыши тѣхъ превратныхъ толковъ о «вольницѣ», которые ходили изъ устъ въ уста, перешли на газетные столбцы и грозили сложиться уже въ цѣлую легенду, устойчивую и нелѣпую.

Въ іюнѣ 1842 года берлинскій корреспондентъ «Königsberger Zeitung»

сообщалъ объ образованіи нѣкаго страшнаго кружка, который не только отрицаетъ библію, но даже не ставитъ на мѣсто традиціи никакого опредѣленнаго символа вѣры, провозглашая лишь безусловную автопомію личности; члены его собираются вскорѣ открыто заявить о своемъ разрывѣ съ церковью, чтобы не навлечь на себя упрёка въ лицемѣріи.

Все это отдастъ не простой выдумкой, а скорѣе мистификаціей, до которыхъ «гиппеліанцы» были большіе охотники. «Frankfurter Journal» напечаталъ даже символъ вѣры кружка; очевидно, легковѣрному газетчику кто-то подсунулъ подъ видомъ этого любопытнаго акта вѣроученіе какой-то секты, ибо этотъ оригинальный или, вѣрнѣе, совсѣмъ не оригинальный манифестъ заканчивается словами: «Съ дѣтской благодарностью празднуемъ торжество въ честь единаго Господа, да пребудетъ надъ нами Его милость и пынь и присво и во вѣки вѣковъ». Таковы были превратныя толки о «вольницѣ», а преимущественно о внѣшнихъ особенностяхъ ея поведенія.

На самомъ дѣлѣ безпристрастный гость по первому впечатлѣнію скорѣе подумалъ бы, что видитъ предъ собой заурядную бюргерскую молодежь—чуть не филистеровъ. Даже бесѣда велась не всегда, иногда Бруно Бауэръ горячился безъ всякой связи съ вѣчными вопросами, а просто въ увлеченіи карточной игрой, которую онъ любилъ. Но когда бесѣдовали, то длинныхъ рѣчей не держали; замѣчанія были сжаты и категоричны, выраженія рѣзки, тонъ повышался. Такая бесѣда—да еще пересыпанная непонятными для непосвященнаго гегеліанскими терминами—могла, пожалуй, показаться странной нѣмецкимъ мѣщанамъ, но по существу никакихъ ужасовъ здѣсь не было; пили мало, пьяныхъ почти не было. Говорили обо всемъ; живое и возбужденное время давало достаточно матеріала. Говорили о цензурѣ, о развитіи социализма, о ростѣ антисемитскихъ тенденцій, о религіозномъ движеніи, о волненіи въ молодежи: таковы нѣкоторые изъ многихъ темъ, отмѣченныхъ впоследствии участниками.

Были, однако, и нелѣпыя выходы; сохранился рассказъ о томъ, что, когда Гиппель уставалъ давать въ долгъ, компанія разсыпалась по городу, и члены ея, намѣтивъ подходящаго прохожаго, обращались къ нему съ откровенной просьбой: «Гиппель не даетъ больше въ долгъ; не пожалуете ли хоть талеръ»; и такіе экспедиціи бывали удачны... Такіе анекдоты о поведеніи кружка оказались, конечно, устойчивѣе и многочисленнѣе рассказовъ о его духовной жизни, въ которой было много серьезнаго своеобразія.

Въ этомъ кружкѣ въ теченіе десятилѣтія врапался Штирнеръ: такъ называли еще университетскіе товарищи Каспара Шмидта за его необыкновенно высокій лобъ. Онъ былъ мало замѣтенъ. «Вольница» шумѣла, спорила, доходила до вольностей: онъ былъ спокоенъ, открыто благодушенъ и предпочиталъ тихую бесѣду съ ближайшимъ сосѣдомъ участію въ общихъ дебатахъ; никогда никто не слышалъ отъ него грубаго или горячаго слова. О себѣ онъ

не говорилъ, въ философскіе разговоры вступалъ неохотно, но и въ бесѣдѣ легко показывалъ тѣ обширныя познанія, благодаря которымъ знакомые считали его первокласснымъ ученымъ. Нензмѣнно, даже при дурныхъ обстоятельствахъ, онъ былъ одѣтъ просто, но съ изысканной аккуратностью; растрепанная «вольница» иногда называла его даже франтомъ. Портрета его не сохранилось; описывавшіе его паружность современники отмѣчаютъ его голубые глаза, спокойные и вдумчивые, и его улыбку, сирва благодушную, затѣмъ ироническую и гармонирующую съ «тихой склонностью къ насмѣшкѣ», которую замѣчали въ немъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ выступилъ въ литературѣ—въ двухъ газетахъ, игравшихъ выдающуюся роль въ исторіи этого любопытнаго времени. Весною 1842 года въ «Rheinische Zeitung» Карла Маркса появилась его статья «Ошибочный принципъ нашего воспитанія или гуманизмъ и реализмъ», которую біографъ Штирнера ставитъ наравѣ съ его главнымъ трудомъ. Смѣло и опредѣленно выставленъ уже здѣсь основной принципъ: не образованность—формальная у классиковъ, узко практическая у реалистовъ—должна быть цѣлью воспитанія, но воля. «Лишь въ этомъ образованіи—всеобщемъ, ибо въ немъ объединяется высшій съ низшимъ—мы впервые обрѣтаемъ всеобщее равенство, равенство свободныхъ людей: лишь свобода есть равенство». Вторая статья была посвящена «Искусству и религіи». Было еще нѣсколько менѣе значительныхъ статей и корреспонденцій изъ Берлина. Болѣе живое участіе собирался Штирнеръ принять въ «Berliner Monatschrift», которую съ 1844 года предполагалъ издавать его пріятель и товарищъ по «вольницѣ» Людвигъ Буль. Однако, прусская предварительная цензура такъ настойчиво не желала разрѣшить къ печати статьи, предназначенныя для журнала, что Буль отказался отъ своего замысла, — попустилъ эти статьи въ видѣ сборника въ Мангеймѣ, гдѣ эта книга, размѣрами больше двадцати печатныхъ листовъ, не подлежала цензурѣ. Въ этомъ «первомъ и единственномъ» выпускѣ «Берлинскаго Ежемесячника» мы находимъ двѣ статьи Штирнера. Первая — «Einiges Vorläufige vom Liebesstaat» — обратила на себя особое вниманіе цензуры; вторая посвящена «Парижскимъ тайнамъ» Евгенія Сю, въ которыхъ въ эту эпоху многіе видѣли не грубый уголовный, но идейно-соціальный романъ. Съ ядовитымъ презрѣніемъ бичуетъ здѣсь Штирнеръ фальшивую сентиментальность буржуазіи, которая столь охотно—съ слезинкой состраданія на глазахъ—берется за обращеніе грѣшниковъ, возвращеніе порока на путь добродѣтели и такъ далѣе. «Думали ли вы когда-либо, любезные, о томъ, стоитъ ли иъ самомъ дѣлѣ добро того, чтобы такъ стремиться къ нему? — спрашиваетъ авторъ:—не призракъ ли оно, живущій только въ вашемъ воображеніи? И на отдѣльныхъ фигурахъ романа Штирнеръ показываетъ, какъ ничтожна наблюдательность автора, какъ однообразно безсодержательны нравственный масштабъ, предлагаемый имъ ко всѣмъ явленіямъ. Вся эта филантропическая

возня—тщетныя попытки лечить организмъ, умирающій не отъ болѣзни, но отъ старости; «дряхло и истощено наше время, а не больно — говорить онъ:—и потому не хлопочте и дайте ему умереть».

Этими статьями исчерпывается журнальная дѣятельность Штирнера; лишь позже—когда дѣло шло объ отраженіи ударовъ, падавшихъ на его главную работу—онъ обратился вновь къ страницамъ журнала.

Около той же эпохи произошло одно изъ важнѣйшихъ событій во внѣшней, а отчасти и во внутренней жизни Штирнера: онъ вступилъ во второй бракъ съ Маріей Денгардтъ—той героиней его мечтаній, которой онъ посвятилъ трудъ своей жизни. И не только поэтому заслуживаетъ вниманія любопытная фигура этой «эмансипированной» нѣмецкой дѣвушки, столь характерной для своего времени. Хорошо образованная и выросшая на освободительной литературѣ въ родѣ знаменитаго эмансипаціоннаго романа Гюцкова «Wally die Zweiflerin», она рано покинула маленькій городокъ, гдѣ выросла, и явилась въ Берлинъ, чтобы съ головою ринуться въ потокъ лихорадочнаго общественнаго движенія и личныхъ впечатлѣній. Неизвѣстно, кто ввелъ ее въ кружокъ «вольницы»,—но здѣсь сблизился съ нею Штирнеръ. Она была очень привлекательна, не глупа и держалась умѣло, хотя въ дикостяхъ «вольницы» принимала замѣтное участіе, доходявшее до участія въ путешествіяхъ, въ мужскомъ платьѣ, по публичнымъ домамъ. Объ интересѣ, который она умѣла внушить даже недюжиннымъ людямъ, можно судить по тому, что значительно позже, когда она, разставшись съ мужемъ, жила въ Лондонѣ простой учительницей нѣмецкаго языка, у ея маленькаго каминна можно было встрѣтить такихъ людей, какъ Луи Бланъ, Фрейлигратъ, Герценъ; и если рядъ ея корреспонденцій изъ Лондона, написанныхъ въ это время, не обличаетъ особеннаго литературнаго дарованія, то показываетъ незаурядную наблюдательность, природный умъ и свободныя воззрѣнія. Впослѣдствіи она далеко ушла отъ нихъ. Несомнѣнно, до пониманія Штирнера она не доспѣла—и, быть можетъ, онъ казался ей просто самымъ «ручнымъ» въ этой компаніи «хипныхъ». О бракосочетаніи Штирнера ходило въ свое время много расказней, характерныхъ для той легенды, которая естественно слагалась вокругъ него. Прибывъ на квартиру жениха, пасторъ будто бы засталъ компанію за картами, невеста была въ будничномъ платьѣ, въ домѣ не было библіи, во время рѣчи пастора гости смотрѣли въ окно на улицу, и, наконецъ, когда понадобились обручальныя кольца, ихъ не оказалось. Тогда Бруно Бауэръ, вытащивъ свой длинный вязаный кошелекъ, высыпалъ на ладонь нѣсколько монетъ, среди которыхъ оказалось также два мѣдныхъ кольца; онъ подаль ихъ пастору, замѣтивъ при этомъ, что мѣдныхъ кольца такъ же хорошо, а то и лучше, скрѣпляютъ бракъ, какъ и золотыя. Все это правда, но это не было той «предназначенной демонстраціей», въ которую раздѣла легенда поведеніе, вполне спокойное и соответствующее взглядамъ участниковъ; не было ни кощунства, ни гардинныхъ колецъ, которые будто